

КОНЦЕПЦИИ «СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

А. А. Мурадян

Пожалуй, ни один термин современного политического лексикона не популярен так в американской литературе, будь то академической или публицистической, как «сила». Этим понятием постоянно оперируют и государственные деятели США, и ученые, и журналисты. Официальные документы и периодическая печать капиталистической Америки пестрят выражениями: «политика силы», «конфигурация сил», «симметрия могущества», «центры силы», «равновесие сил» и т. п. И тем не менее немногие из терминов в международно-политической науке и историографии США отличаются столь смутным содержанием, как «сила». Только в одних учебниках по международным отношениям, издаваемых в этой стране, можно насчитать около двух десятков различных определений данного понятия¹. В своих попытках объяснить закономерности международных отношений американские политики и идеологи обращаются к ряду категорий, таких, как мораль, право, индивидуальная и социальная психология и т. д. Однако концепции «силы» остаются у них наиболее распространенными². В настоящей статье и рассматривается эволюция этих концепций, лежащих в основе современной американской внешней политики.

Советские историки много и плодотворно потрудились над изучением внешней политики США, выявлением ее экспансионистского характера как в прошлом, так и в настоящее время. Были исследованы движущие силы американского экспансионизма, методы внешнеполитической и военной стратегии США, разоблачены теории об «особом», «альтруистическом», «антиэкспансионистском» характере действий США, якобы стремившихся избежать насилия на международной арене³, проанализированы и подвергнуты критике буржуазные идеологические

¹ «International Encyclopedia of the Social Sciences» [N. Y.]. 1968. Vol 8, p. 62.

² Подробно течения и школы в области теоретических исследований внешней политики США критически анализируются в кн.: «Американская историография внешней политики США. 1945—1970». М. 1972 (особенно см. ч. I: «Общие вопросы внешней политики США»).

³ См., например, В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. 1952; А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм. М. 1961; Л. И. Зубок. Экспансионистская политика США в начале XX в. М. 1969; Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960; А. Е. Кунина, Б. И. Марушкин. Миф о миролюбии США. М. 1960; Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США. М. 1970; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». М. 1956; «Международные отношения на Дальнем Востоке». Кн. 1—2. М. 1973; «Международные отношения после второй мировой войны». Т. 1—3. М. 1962—1965; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М. 1956; Г. Н. Севостьянов. Подготовка войны на Тихом океане. 1939—1941. М. 1962; «Очерки новой и новейшей истории США». Тт. I—II. М. 1960; Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М. 1968; Н. Н. Яковлев. Невейшая история США. 1917—1960. М. 1961; «Военная сила и международные отношения. Военные аспекты внешнеполитических концепций США». М. 1972, и др.

концепции, призванные оправдать и приукрасить поведение США, облагородить империалистическую сущность их внешней политики⁴. Опираясь на анализ современных международных отношений, данный в документах мирового коммунистического движения, КПСС, других братских партий, применяя марксистско-ленинскую методологию, советские исследователи в своих работах вскрывают политический и идеологический смысл концепций «силы». «В трактовке многих буржуазных политиков и идеологов сила в области внешней политики,— пишет, например, Д. Г. Томашевский,— сводится к прямой материальной, физической силе того или иного государства, и прежде всего к военному потенциалу, мощи вооруженных сил. В их теоретических построениях и практических действиях понятие силы прямо ассоциируется с насилием или, во всяком случае, со способностью к насилию, с возможностью прямого насильственного подавления своих противников»⁵.

Проблема силы, насилия, соотношения и расстановки сил в политике привлекала внимание основоположников марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс посвятил специальную работу исследованию вопроса о роли насилия в истории⁶. В. И. Ленин неоднократно указывал на важность учета соотношения и расстановки сил, «действительных изменений в силе» при определении политического курса и анализе объективной обстановки⁷. Однако марксизм-ленинизм никогда не преувеличивал роль насилия в истории и в мировой политике, четко определил его место в социальном развитии человечества и проводил отчетливую грань между силой и насилием. Марксистско-ленинская литература исходит из того, что понятия «сила» и «соотношение сил» в мировой политике имеют сложное содержание, поскольку сила того или иного государства в смысле его влияния на международные дела обуславливается многими факторами, в числе которых особо важную роль играют производственные отношения, социально-экономический строй. В этом плане понятия «сила», «соотношение сил», «насилие» и др. применительно к международной жизни детально анализируются в современной марксистско-ленинской литературе⁸.

Каково же реальное политическое и идеологическое содержание «силовых» концепций внешней политики США? Выяснение этого вопроса имеет значительный научный интерес и для историков и для специалистов по современным проблемам внешней политики США, тем более что

⁴ А. Н. Яковлев. Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М. 1967; Г. А. Арбагов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М. 1970; В. М. Кулаков. Идеология агрессии. М. 1970; А. Каренин. Философия политического насилия. Критика некоторых антикоммунистических концепций в области внешней политики США. М. 1971; Д. Г. Томашевский. Ленинские идеи и современные международные отношения. М. 1971; А. Е. Кунина. Идеологические основы внешней политики США. М. 1973.

⁵ Д. Г. Томашевский. Указ. соч., стр. 69.

⁶ См. К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8; его же. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7; Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М. 1957; Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21; В. И. Ленин. Войско и революция. В. И. Ленин. ПСС. Т. 12; его же. Социальное значение сербско-болгарских побед. В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, и др.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 282.

⁸ См. Д. Г. Томашевский. Указ. соч., стр. 61—101; Д. В. Ермоленко. Социологические исследования и международные отношения. «Вопросы философии», 1971, № 1; А. А. Каренин. Доктрина «баланс сил» и современный мир. «Вопросы философии», 1973, № 9; Г. Шахназаров. К проблеме соотношения сил в мире. «Коммунист», 1974, № 3; Г. Арбагов. Тупики политики силы. «Проблемы мира и социализма», 1974, № 2. Значительный интерес представляют материалы дискуссии на тему «Проблемы теории международных отношений», проведенной в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (см. «Мировая экономика и международные отношения», 1969, №№ 9, 11).

подобные концепции имеют длительную традицию в американском буржуазном обществоведении.

Впервые «силовая» терминология получила широкое распространение в политической и исторической литературе США в конце XIX — начале XX в., когда американский капитализм вступил в империалистическую стадию и активизировались экспансионистские тенденции в его внешней политике. Именно тогда и были предприняты попытки «теоретически» обосновать роль «силы» в международных отношениях. Между «силовыми» концепциями тех лет и нашего времени можно проследить явную преемственность. Однако имеются и существенные отличия.

Еще в начале 90-х годов XIX в. один из ведущих идеологов американского экспансионизма, А. Т. Мэхэн, рассматривал фактор «силы» как главный во внешней политике государства, стремящегося добиться определенных целей на международной арене. Однако под «силой» он подразумевал прежде всего военно-морскую мощь страны. При этом он имел в виду тоннаж военно-морского флота, типы и классы кораблей, мощь корабельной артиллерии и т. п. Условиями могущества, заявлял он, являются и заморские военно-морские базы, а равно и колонии, необходимые для того, чтобы боевой флот мог эффективно действовать вдали от метрополии. «Колонии,— писал он,— привязанные к своей метрополии, представляют поэтому вернейшее средство для поддержания за границей морской силы страны». Развивая эту мысль, Мэхэн утверждал: «Не имея поэтому для свой опоры за границей соответствующих учреждений, ни колониальных, ни военных, военные суда Соединенных Штатов во время войны уподобятся сухопутным птицам, которые не в состоянии улететь далеко от берегов. Обеспечение для них станций, где они могли бы пополнять свои угольные запасы и производить ремонт, должно составлять одну из первых обязанностей правительства, намеревающегося развивать силы нации на море». Ссылаясь на Великобританию, Мэхэн приводил в пример ее морскую мощь как основу, на которой «держалась здоровая жизнь великой нации, единственной обладательницы деятельной силы»⁹.

По мнению Мэхэна, создание мощного военного флота и колониальных баз в различных частях света не самоцель, а средство, которым государство пользуется для того, чтобы обеспечить «собственные интересы» и прежде всего интересы экономические, то есть выгоды от торговли и иной коммерческой деятельности. Он утверждал: «Для обеспечения собственного народа непропорциональной долей таких выгод необходимо предпринять все усилия, чтобы оттеснить других либо мирными — законными — методами посредством установления монополии или запретительного законодательства, либо, когда подобные меры не достигают цели, прямым насилием»¹⁰. Следующей важной целью американской внешней политики Мэхэн считал создание выгодного для Соединенных Штатов мирового и регионального «равновесия сил». Это, утверждал он, обеспечит США необходимые внешнеполитические условия для реализации их экономических интересов. Под «равновесием сил» Мэхэн понимал не сохранение внешнеполитического и военного статус-кво, а такую ситуацию, которая благоприятствовала бы американской экономической и политической экспансии. Поскольку в тот период речь шла об установлении господства США в Западном полушарии и на Тихом океане, а в перспективе — мирового господства, Мэхэн делал особый акцент на достижении гегемонии на морях. Он заявлял: «Господство на море, осу-

⁹ А. Т. Мэхэн. Влияние морской силы на историю 1660—1783. М.—Л. 1941, стр. 65; его же. Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793—1812). Т. 2. М.—Л. 1940, стр. 278.

¹⁰ Цит. по: Ch. A. Beard. A Foreign Policy for America. N. Y.—L. 1940, p. 42.

ществленное посредством морской торговли и военно-морского превосходства, означает господствующее положение в мире»¹¹.

В условиях перехода к империализму в США интенсивно развивалась и распространялась империалистическая идеология, которая отражала требования определенных кругов финансово-промышленной олигархии, добывавшихся новых «хозяйственных территорий», расширения рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала, одним словом, широкой военно-политической экспансии, способной обеспечить экономическое внедрение. В конгресс и к отдельным государственным деятелям поступали петиции и письма от представителей делового мира с требованием обеспечить американским предпринимателям и торговцам участие в эксплуатации стран Дальнего Востока, Латинской Америки и др. В октябре 1899 г. группа текстильных фабрикантов из Южной Каролины направила письмо ряду сенаторов, настаивая на более энергичной экспансионистской политике Соединенных Штатов в Китае. «Южная Каролина,— писали эти бизнесмены,— находится в настоящее время на первом месте по производству хлопчатобумажных тканей на Юге не только по числу веретен, ткацких станков и занятых рабочих рук, но также и по количеству потребляемого хлопка... Большое количество фабрик в нашем штате производит товары для торговли с Китаем или Востоком. Если бы этот спрос по каким-либо причинам прекратился, пришлось бы закрыть фабрики, либо вступить в прямую конкуренцию с другими предприятиями, которые производят товары для внутреннего потребления. Таким образом, вы можете видеть, какое значение для нас имеет китайская торговля: для нас это все. Прозцветание хлопчатобумажного производства Южной Каролины зависит, по нашему мнению, от торговли с Китаем». Далее сенаторам напоминалось о притязаниях западноевропейских держав на китайский рынок, в связи с чем дельцы и торговцы обращались к законодателям с призывом защитить их «жизненные интересы» в этом вопросе. Бизнесмены высказывались за политику «открытых дверей» в Китае¹².

Отражая интересы крупного бизнеса, американские конгрессмены и члены правительства выступали с конкретными программами экономической и военно-политической экспансии США, фактически означавшими требование глобального перераспределения сфер влияния между крупнейшими империалистическими державами. В. И. Ленин указывал на эту особенность империализма: «Несомненно, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу связан с обострением борьбы за раздел мира»¹³. Ссылаясь на требования деловых кругов, член палаты представителей от штата Орегон Т. Тонг выступал за энергичную экспансию в Тихом океане и на Дальнем Востоке с тем, чтобы поставить людские и материальные ресурсы этих районов на службу американскому капитализму. Он предупреждал, что потребность во внешних сферах приложения американских товаров и капиталов будет все более возрастать по мере перехода США из фазы «индустриального детства» к зрелости и превращения этой державы во всемирного кредитора. Если США хотят играть крупную роль в мировой политике, стать великой державой, подводил он итог своим рассуждениям, то у них есть лишь один путь к этой цели — экспансия¹⁴.

Аналогичные соображения высказывали и другие конгрессмены и

¹¹ A. T. Mahan. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. L. 1898, pp. 52, 127; e j u s d. The Problem of Asia and Its Effect upon International Politics. L. 1900; e j u s d. Retrospect and Prospect. Boston. 1902; e j u s d. The Interest of America in International Conditions. L. 1910.

¹² Congressional Record. 56-th Congr., 1-st Sess. Washington. 1900, p. 2384.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 375.

¹⁴ Congressional Record. 55-th Congr., 2-d Sess. Washington. 1898, pp. 533—535.

сенаторы: Дж. Маклорин, Г. Лодж и др. А. Беверидж, излагая законодателям систему экономических аргументов, подобных приведенным выше, делал еще более категорические выводы: «Тихий океан является океаном торговли будущего. Большая часть грядущих войн будет конфликтами из-за торговли. Поэтому держава, которая господствует на Тихом океане, окажется державой, которая управляет всем миром. И владея Филиппинами, такой державой является и навсегда останется Американская республика». Сенатор подчеркивал значение торговли с Китаем: «Тот государственный деятель, который не обеспечит Америке командующее положение в этой торговле, совершит преступление против американской торговли — против американского производителя хлопка, пшеницы и табака, американского фабриканта машин и одежды». Сенатор Лодж также призывал к борьбе за этот «гигантский рынок», которая, по его словам, являлась отражением «борьбы за мирную торговлю, в течение многих лет накладывающую все более сильный отпечаток на политику и историю человечества»¹⁵.

Идеи экспансии развивали и многие буржуазные ученые и публицисты. Известный американский историк Б. Адамс еще в 1900 г. пытался обосновать «право» США на колониальные захваты и колониальные войны «необходимостью» обеспечить контроль над месторождениями угля и железа, а также над рынками в других частях света. Он, в частности, подчеркивал важность экспансии в Азии: «Наше географическое положение, наше богатство и наша энергия создают для нас особенно благоприятные возможности для того, чтобы принять участие в развитии Восточной Азии и превратить ее в часть нашей экономической системы. Более того, законы природы непреложны. ...Очевидно, что американцы не могут быть устранены из Китая без борьбы... Поэтому китайский вопрос должен рассматриваться как великая проблема будущего, как проблема, от решения которой невозможно уклониться: и если эти великие сражения за превосходство иногда повлекут за собой обращение к силе, то безопасность заключается в том, чтобы быть вооруженными и организованными против всех неожиданностей»¹⁶. Одним словом, захват колоний на Дальнем Востоке и в Тихом океане американские политики и идеологи объявили настолько «жизненно важным» делом, что США не должны были останавливаться даже перед вооруженной борьбой с любыми соперниками.

Не удивительно, что в этих условиях «силовые» концепции получили широкое распространение. В политическом отношении они нацеливали США на вооруженную борьбу за колониальные владения, за распространение своего влияния в Западном полушарии и на Тихом океане, на устранение из этих районов других империалистических соперников. В. И. Ленин подчеркивал, что в среде империалистических хищников раздел мира, перераспределение сфер влияния происходит «по капиталу», «по силе»¹⁷. Тезис о роли США как «мировой державы» был призван обосновать необходимость наращивать военный потенциал для ведения успешной борьбы «за выживание». Идеологически же «силовые» концепции были призваны оправдать империалистическую экспансию как в глазах американского народа, так и мировой общественности. Если «борьба за силу», за создание колониальных империй является законом международной жизни, то тем самым с правящих кругов США снимается ответственность за колониальные войны, военные авантюры в различных районах земного шара. «Силовые» концепции были рассчитаны на то, чтобы выдавать классовые экономические и политические интересы экспансионистски настроенных государственных деятелей, военщины, финан-

¹⁵ Congressional Record. 56-th Congr., 1-st Sess. Washington. 1900, pp. 704, 2384—2386, 2628—2629.

¹⁶ B. A d a m s. America's Economic Supremacy. N. Y.—L. 1947, p. 194.

¹⁷ В. И. Л е н и н. ПСС. Т. 27, стр. 372.

совой олигархии США за «общенародные» и «общенациональные». Этим и объясняется популярность «силовых концепций», а также и то, что идеологи «силовой» политики (вроде Мэхэна и других) были превращены буржуазной пропагандой чуть ли не в «национальных героев».

Наиболее последовательным сторонником «силовых» концепций американская буржуазная историография считает президента Т. Рузвельта. При этом американские историки ссылаются, в частности, на его политику на Дальнем Востоке в начале XX века. Они проводят мысль, что в деятельности президента воплотилось главное содержание тогдашнего внешнеполитического курса США, который, по их словам, заключался в поддержании так называемого «равновесия сил» как в Европе, так и в Азии. Буржуазные авторы считают эту позицию ключом к пониманию американской политики того времени. Т. Рузвельт подчеркивал, что основная тяжесть в обеспечении «равновесия сил» лежит на Великобритании, однако если ей не удастся поддержать это «равновесие» в том или ином районе мира, на сцену должны выступить США, с тем чтобы «восстановить баланс»¹⁸. Если говорить о Дальнем Востоке, то, согласно данной концепции, политика США должна быть направлена на то, чтобы столкнуть Японию с Россией в затяжном конфликте с тем, чтобы они «уравновешивали» друг друга, и тем самым создавали благоприятные условия для действий Вашингтона в этом районе.

Как известно, начало XX в. для американского империализма было временем «освоения» колониальных владений на Тихом океане (Филиппины, Гавайи), дальнейшего проникновения в Китай, развития экспансии в Латинской Америке, попыток активизировать политику на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Применительно к международной ситуации на Дальнем Востоке рассуждения американских политиков и историков о стремлении США поддерживать там «равновесие сил» означали не что иное, как желание обеспечить американские империалистические экономические и внешнеполитические интересы: обезопасить Филиппины и Гавайи от покушений со стороны японского империализма, усилить американское влияние в Китае и т. п. Концепции «силы» были одной из форм политического и идеологического обоснования этого курса. За общетеоретическими «силовыми» концепциями конца XIX — начала XX в. стояли вполне конкретные внешнеполитические цели правящих кругов США, материальные интересы американского монополистического капитала. Эти концепции были призваны определить направление «главного удара» во внешнеполитической стратегии американского империализма, выбор союзников и противников, разработку конкретных методов борьбы.

То было время, когда империализм диктовал всему миру свои законы насилия и грабежа. С точки зрения монополистической буржуазии, применение вооруженных сил для приобретения колоний, «хозяйственных территорий», устранения конкурентов, захвата рынков и источников сырья было вполне «рентабельно». В мире тогда еще не существовало реальной материальной и моральной силы, способной выступить против вооруженного разбоя «великих» империалистических держав. Внешнеполитическая идеология, в основе которой лежали «силовые» концепции, оправдывала и поощряла вооруженное насилие, изображая войну и агрессию как «вечные» и «неизбежные» законы человеческого общества, международной жизни.

«Силовые» концепции международных отношений развивались в американской литературе и в годы, предшествовавшие первой мировой войне, и в последующий период. В общетеоретическом плане «силовой»

¹⁸ См., например: T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War. Garden City. 1925, pp. 1—2; R. A. Esthus. Theodore Roosevelt and Japan. Seattle and L. 1966, pp. 307—308.

подход к политике, к политическим отношениям был характерен для таких американских социологов, как Ч. Мерриам, Г. Лассвел, Дж. Дьюи. Ч. К. Тэйлор, Ю. Дж. Янг, Л. Хартли, А. Г. Карр и другие историки и международники в своих работах стремились подчеркнуть роль военной силы как решающего инструмента во внешней политике США. Не всегда позиция этих авторов отличалась последовательностью. В межвоенный период в Америке были сильны изоляционистские и антивоенные настроения. Призыв вооружаться и готовиться к войне за новые территории и рынки не мог быть популярен в широких кругах американской общественности в 20—30-е годы. Поэтому сторонники «силового» подхода нередко выступали «с опущенным забралом», популяризируя идеи своих предшественников — основоположников теории политики «силы» и «баланса сил». Так, Ч. К. Тэйлор опубликовал книгу, содержащую неумеренное восхваление Мэхэна, которого он именовал «пророком», «учителем», «философом военно-морского флота» и т. п. Показательной в этом отношении была и книга Н. Рузвельта, опубликованная в 1928 г., в которой излагались экспансионистские идеи Брукса Адамса, высказанные последним в 1900 году¹⁹.

Однако по мере активизации экспансионистских тенденций во внешнеполитической идеологии США, по мере того как нарастала опасность второй мировой войны, сторонники политики «силы» все энергичнее выступали за наращивание военной мощи, за использование ее во внешнеполитических и экономических целях. Эта категория идеологов откровенно призывала к установлению мировой гегемонии США, опирающейся «на американские доллары, линкоры и бомбардировщики»²⁰. Разбирались наилучшие с точки зрения реализации экспансионистских внешнеполитических планов варианты использования военной мощи США. Так, один из активных приверженцев политики «силы» Ю. Янг, выступая за создание Соединенными Штатами самых мощных вооруженных сил в мире, предлагал их использовать не столько для боевых действий, сколько для обеспечения за Вашингтоном роли международного «арбитра», после того, как соперники истощат друг друга в войне. Все это писалось за три года до начала второй мировой войны. Ю. Янг считал: политика «силы» и «баланса сил» подразумевает, что «арбитр» должен извлекать выгоды от схваток любых соперников²¹. Начало второй мировой войны послужило мощным толчком для распространения в американской литературе подобных циничных концепций.

В 1942 г. профессор Йелского университета Н. Спайкмэн писал: «Вся цивилизованная жизнь покоится... в конечном счете на «силе». Отсюда следовал вывод, что «борьба за силу», укрепление военного могущества собственного государства и подрыв мощи соперников составляют смысл международной политики. «Все остальное является второстепенным». Спайкмэн полагал, что реализация планов, направленных на установление мирового господства США, лучше всего будет соответствовать подержанию выгодного США «равновесия сил» в Европе и Азии. В связи с этим он советовал сохранить часть военной мощи Германии как «противовес» СССР и Европе, а Японии отводил аналогичную роль в Азии²². Необходимо учитывать, что подобные рекомендации делались в самый разгар второй мировой войны, когда до разгрома нацистской Германии и милитаристской Японии было еще далеко.

Спайкмэн не был одинок в своих «теоретических» построениях. Многие другие буржуазные идеологи заявляли, что основной задачей внеш-

¹⁹ С. С. Taylor. The Life of Admiral Mahan, Naval Philosopher. N. Y. 1920, pp. 306—307; N. Roosevelt. The Restless Pacific. N. Y. 1928, pp. 53—74.

²⁰ L. Hartley. Is America Afraid? A Foreign Policy for America. N. Y. 1937, p. 64.

²¹ E. J. Young. Powerful America: Our Place in Rearming World. N. Y. 1936.

²² N. J. Spykman. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power. N. Y. 1942, pp. 11, 18, 460.

ней политики США является наращивание военной мощи, создание военных союзов, «хладнокровная организация и регулирование политики силы»²³. Однако в период президентства Ф. Рузвельта, особенно во время второй мировой войны, советско-американские отношения успешно развивались в тех случаях, когда правительство США подходило к СССР как к равноправному партнеру, отношения с которым должны основываться на учете взаимных интересов²⁴. После смерти Рузвельта в правящих кругах США взяли верх силы, политика которых определялась слепой ненавистью к социализму. Прежний подход, характеризовавшийся стремлением к решению спорных проблем с позиций учета взаимных интересов и равенства, был «забракован» американским руководством. Возобладал курс на отношения с СССР и другими странами социализма «с позиции силы». В качестве идеологического обоснования этой политической линии официальные круги США выдвинули доктрины «сдерживания», а затем и «отбрасывания» коммунизма. В их основу были положены концепции «силы» США, в первую очередь атомной.

В первые послевоенные годы, когда США временно оказались монопольными обладателями атомного оружия, концепции «силы» получили особенно широкое распространение. В 1948 г. профессор Чикагского университета Г. Моргентау писал: «Поскольку стремление к обладанию силой является отличительным элементом международной политики, последняя неизбежно превращается в политику силы»²⁵. Идеологам и политикам США, исходившим из того, что «сила» — это прежде всего военная мощь, представлялось, что, наращивая военный потенциал, мировой капитализм сможет диктовать свою волю социалистическим странам, подавлять освободительные движения, поддерживать выгодное для себя общее соотношение сил между двумя мировыми социальными системами. Определенные надежды правящие круги США возлагали также на экономические средства давления, полагая, что Советский Союз «не сможет экономически оправиться без американской помощи» и поэтому легко будет заставить его «уплатить любую политическую цену»²⁶.

Для оправдания направленной против мира социализма политики «с позиции силы», включавшей в себя безудержную гонку вооружений, создание военных блоков, методы экономической блокады, провокации и диверсии, вмешательство во внутренние дела, идеологи империализма выдвинули концепцию «биполярности» (двухполюсности), которой якобы характеризуется система международных отношений после второй мировой войны. Авторы этой концепции пытались все многообразие современной эпохи, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму, к борьбе между двумя «сверхдержавами» — Советским Союзом и США. Победу социалистических революций в странах Европы и Азии, успехи национально-освободительного движения в бывших колониях империалистических держав, другие объективные проявления мирового революционного процесса идеологи американского империализма старались «объяснить» кознями и подрывной деятельностью СССР. Вместе с тем концепция «биполярности», как полагали ее авторы, должна была облегчить США укрепление своей гегемонии в капиталистическом мире, организацию международных отноше-

²³ W. Lippman. U. S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston. 1943, p. 101; см. также *ibid.*, pp. 8—9, 26, а также R. Strausz-Hupe. The Balance of Tomorrow. Power and Foreign Policy in the United States. N. Y. 1945, pp. 248, 254.

²⁴ Подробнее см.: Н. Н. Яковлев. Ф. Рузвельт — сторонник сотрудничества с Советским Союзом. «Вопросы истории», 1972, № 12; Е. С. Шершнев. К истории советско-американских экономических отношений. «Вопросы истории», 1973, № 1, и др.

²⁵ H. Morgenthau. Politics among Nations. N. Y. 1960, p. 310.

²⁶ Цит. по: К. М. Георгиев, М. О. Колосов. Советско-американские отношения на новом этапе. «США — экономика, политика, идеология», 1973, № 3, стр. 13.

ний в рамках мировой капиталистической системы по моноцентрическому принципу. Иными словами, антинаучные концепции «биполярности» и «сверхдержав» были выдвинуты для идеологического обоснования агрессивной политики, направленной против СССР и других социалистических стран, с одной стороны, и утверждения господства, гегемонии США в западном мире — с другой. Для претворения в жизнь этих планов правящие круги США пытались использовать свое временное превосходство в атомном оружии, а также экономическую и финансовую мощь монополий и государства²⁷.

Действительность доказала беспочвенность этих концепций. Рост военной и экономической мощи СССР, упрочение международных позиций социализма показали бесплодность расчетов американского руководства на «позицию силы» в отношениях с социалистическим сотрудничеством. Ликвидация колониальной системы, крах попыток империализма вооруженным путем остановить национально-освободительное движение (что особенно ярко продемонстрировал провал агрессии США во Вьетнаме) явились убедительным свидетельством — даже для наиболее твердолобых американских политиков — того, что использование военной силы в политических целях дает весьма незначительные результаты. В наши дни национально-освободительное движение, опираясь на бескорыстную и всестороннюю поддержку СССР и других социалистических стран, в состоянии дать отпор вооруженным до зубов империалистическим агрессорам и их пособникам. Красноречивой иллюстрацией этого явился провал попыток Израиля навязать свою волю соседним арабским государствам посредством военных действий. Несостоятельными оказались и расчеты правящих кругов США упрочить «американоцентризм» в международных отношениях капиталистической системы. Обострились торговые, валютно-финансовые и политические противоречия США с «Общим рынком» и Японией. Повысился экономический и политический вес западноевропейских государств и Японии в империалистических военно-политических союзах, усилилась их самостоятельность по отношению к США. Многие апологеты «силовой» политики и милитаризма в какой-то мере начали осознавать то, что созданная современной научно-технической революцией военная мощь все менее применима в качестве орудия внешней политики и все более обнаруживает свое «политическое бессилие». «Девальвация» военной силы с точки зрения оказываемого ею политического влияния, с одной стороны, и стремительный рост стоимости новых, более совершенных систем оружия, ложающийся тяжелым бременем непроизводительных расходов на народное хозяйство США — с другой, явились дополнительными факторами, которые повлияли на эволюцию внешнеполитических концепций правящего класса капиталистической Америки.

Для государственных деятелей США становилось все более ясным, что сведение «силы» государства только к военной мощи страдает чрезмерным упрощением. Это послужило для буржуазных политиков и теоретиков основанием для внесения коррективов во внешнеполитическую идеологию США. Подверглась пересмотру и концепция «биполярности» мира. Была также принята во внимание антисоциалистическая политика пекинского руководства и его позиция в вопросах международной политики. Буржуазные ученые стали трактовать развитие событий в миро-

²⁷ Современные маоистские «теоретики» позаимствовали у буржуазных идеологов антинаучную концепцию «сверхдержав», пытаясь приспособить ее для своих гегемонистских, антисоветских целей. «Логика» их рассуждений такова: поскольку якобы происходит «сговор» двух «сверхдержав» друг с другом, единственным защитником и лидером развивающихся государств, а также «малых» и «средних» капиталистических стран является Пекин. Под флагом борьбы с «гегемонией сверхдержав» маоисты пытаются сколотить под собственной гегемонией некий антисоветский блок самых различных государств, беспрекословно выполняющих инструкции Пекина.

вой политике последних лет как постепенный переход от «двухполюсной» структуры международных отношений (два «центра силы» — СССР и США) к «многополюсной». Некоторые пишут о движении к «треугольной» конфигурации сил на мировой арене (СССР — США — Китай)²⁸. Даже те, кто настаивает на сохранении «биполярности» в системе современных международных отношений, одновременно отмечают возрастающую роль «центров вторичной силы» (Китай, Япония, ФРГ, объединенная Западная Европа)²⁹.

Концепции «силы» — не только предмет теоретических рассуждений. Они включаются в официальные документы США как программные установки государственной политики американского империализма. Об изменении «конфигурации сил» на международной арене президент США Р. Никсон говорил в послании конгрессу уже 25 февраля 1971 года. Спустя год в послании конгрессу от 9 февраля 1972 г., в разделе «теоретическая основа новой американской внешней политики», Никсон указал на «конец двухполюсной расстановки сил в послевоенном мире» и подчеркнул, что «мощь, внушающая уважение, — единственная основа» для политики США. В статье, специально написанной летом 1972 г. для еженедельника «U. S. News and World Report», президент вновь подчеркнул, что в современных условиях происходит «движение от жесткой биполярности к ...многополюсному международному порядку»³⁰. В последующие годы этот тезис неизменно включается в основные внешнеполитические документы США.

Концепция «многополюсности» современного мира фактически означает, что правящие круги США вынуждены признать ограниченность своих возможностей диктовать свою волю другим странам и народам. Тем не менее она сохраняет связь со своей предшественницей — концепцией «биполярности», поскольку также исходит из военной «силы» и служит главной цели — борьбе с социалистическим содружеством. Однако ныне военная сила уже не рассматривается как универсальный фактор, способный обеспечить достижение всех политических и экономических целей США на международной арене, а исход борьбы с социалистическим содружеством не ставится в зависимость только от результатов соперничества в военной сфере, в гонке вооружений.

Рост экономической и оборонной мощи СССР, как и стран социалистического содружества в целом, повышение их международного авторитета сузили для империализма сферу применения методов вооруженного насилия, решения международных вопросов средствами войны, особенно ракетно-ядерной. Иными словами, в современных условиях (в отличие от прошлого) достижение политических и иных целей посредством использования военной силы становится для империализма делом все более «нерентабельным», можно сказать, даже угрожающим гибелью самим агрессорам. Материальная и моральная сила — мировое социалистическое содружество, сковывает наиболее агрессивные, воинственные тенденции в политике империализма, не давая простора для действия некогда господствовавших в международной жизни законов вооруженного насилия. «Если империалисты не решились развязать новую мировую войну, — отмечал Л. И. Брежнев, — то это прежде всего историческая заслуга мировой системы социализма. Без нее весь облик планеты был бы иным»³¹. Упорная борьба СССР и других социалистических

²⁸ R. Lowenthal. Russia and China: Controlled Conflict. «Foreign Affairs», April 1971, p. 518.

²⁹ H. J. Morgenthau. Changes and Chances in American-Soviet Relations. «Foreign Affairs»; April 1971, p. 441.

³⁰ R. M. Nixon. The Real Road to Peace. «U. S. News and World Report», June 26, 1972, p. 32.

³¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статьи. М. 1973, стр. 455.

стран за укрепление мира и международной безопасности, за неприменение силы в международных отношениях и запрещение навечно ядерного оружия, за разоружение внесла важнейший вклад в изменение политического климата на мировой арене, способствуя созданию условий, при которых реалистически мыслящие государственные деятели США вынуждены были подписать известные советско-американские документы. Такие условия возникли в результате действия объективных факторов, глубоких перемен в международной обстановке. А это означает, что изменения в политике США и в советско-американских отношениях есть не следствие каких-либо субъективных конъюнктурных решений, а отражение глубоких объективных тенденций мирового развития.

В советско-американских документах 1972—1974 гг. указывается, что обе страны стремятся «приложить все усилия для предотвращения угрозы войны и для создания условий, способствующих разрядке напряженности в мире, укреплению всеобщей безопасности и международному сотрудничеству». «В ядерный век,— говорится в документе «Основы взаимоотношений между СССР и США», подписанном в мае 1972 г.,— не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования». Обе стороны согласились, что различия в их идеологии и социальных системах не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды. «Необходимыми предпосылками для поддержания и укрепления между СССР и США отношений мира,— подчеркивалось далее в этом важном документе,— являются признание интересов безопасности сторон, основывающейся на принципе равенства, и отказ от применения силы или угрозы ее применения»³².

Исходя из того, что ядерная война имела бы опустошительные последствия для всего человечества, и стремясь к созданию более благоприятных условий для последующих переговоров по ограничению стратегических вооружений, Советский Союз и США подписали Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений³³. Оба документа явились как бы реализацией, практическим воплощением изложенного в «Основах взаимоотношений» положения об отказе от применения силы и о равной безопасности сторон. Принципы неприменения силы и равной безопасности получили дальнейшее развитие в документах «Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны» и «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений», подписанных в июне 1973 года³⁴. В результате третьей советско-американской встречи в верхах был подписан Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и протокол к нему. Была также достигнута договоренность об ограничении систем противоракетной обороны обеих стран, о дальнейших усилиях, направленных на ограничение стратегических наступательных вооружений, о принятии мер, нацеленных на исключение из арсеналов государств химического оружия. «Стороны подтвердили обоюдную решимость,— говорится в Совместном коммюнике,— продолжать активную перестройку советско-американских отношений на основе мирного сосуществования и равной безопасности, в строгом соответствии с духом и буквой достигнутых между двумя

³² «Советская программа мира в действии». М. 1972, стр. 16, 17.

³³ Там же, стр. 19—24, 25—27.

³⁴ «Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки». М. 1973, стр. 67—69, 86—89.

странами соглашений и взятых ими по этим соглашениям обязательств»³⁵.

В соответствии с духом и принципами основных советско-американских документов была заключена целая серия соглашений о сотрудничестве в области экономики, транспорта, сельского хозяйства, медицины и здравоохранения, науки и техники, в том числе исследований космоса, Мирового океана, использования атомной энергии, охраны окружающей среды, образования и культуры³⁶.

Процесс нормализации советско-американских отношений, стремление сторон придать им максимальную стабильность и превратить развитие дружбы и сотрудничества между народами обеих стран в постоянный фактор международного мира внесли важный вклад в сдерживание гонки вооружений, в укрепление мира и международной безопасности. В Совместном коммюнике, подписанном в ходе третьей встречи руководителей СССР и США, обе стороны зафиксировали глубокую убежденность «в настоящей необходимости того, чтобы сделать процесс улучшения советско-американских отношений необратимым»³⁷. Советский Союз неумолимо борется за то, чтобы процесс разрядки стал необратимым не только в наших отношениях с США, но и в международных отношениях в целом. В этом плане достигнуты немалые успехи. Сдвиги в международной обстановке в сторону именно необратимости процесса разрядки напряженности налицо.

Однако наиболее агрессивные круги США и других империалистических государств отнюдь не сложили оружие, они прилагают усилия для противодействия указанным позитивным процессам. Эти круги ведут борьбу за увеличение военных бюджетов США и других стран НАТО, по-прежнему делают ставку на вооруженную силу как главное средство решения международно-политических вопросов. И хотя возможности влияния на международную политику сторонников империалистической агрессии уменьшаются, нельзя недооценивать опасные для мира последствия их активности. Общий процесс укрепления могущества стран социализма, углубление всестороннего единства социалистических государств, постоянная и неослабная бдительность в отношении агрессивных происков империализма являются необходимым условием упрочения мира.

Среди противников международной разрядки и деловых взаимовыгодных связей между СССР и США немало тех, кто уповает на политические средства давления на СССР, имея в виду осуществлять это давление чужими руками. Нередко в поисках «противовесов» Советскому Союзу они обращают свои взоры к маоистскому руководству Китая. «Мир опирается на баланс силы как политической, так и военной», — пишет антикоммунист А. Шуб в «Foreign Affairs», призывая правительство США использовать Китай для оказания силового давления на Советский Союз. «На Балканах, — продолжает он, — говорят, что «враг моего врага является моим другом». Со времен Аристотеля и Макиавелли, Меттерниха и Бисмарка одно из правил искусства управлять государством заключалось в следующем: если у великой державы имеются два противника, то она поддерживает слабейшую сторону против более сильной... Будущие историки, вероятно, окажутся озадаченными, разбегаясь в вопросе о том, почему в 50-х и 60-х годах нынешнего столетия Соединенные Штаты не использовали этот принцип применительно к

³⁵ «Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне». М. 1974, стр. 55—62, 65.

³⁶ См. «Советская программа мира в действии»; «Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки»; «Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне», стр. 17—29, 31—34.

³⁷ «Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне», стр. 65.

возраставшим расхождениям между Россией и Китаем». Шуб полагает, что в тот период США не извлекли всех возможных политических дивидендов из антисоветского шовинистического курса маоистов на международной арене. Согласно его умозаключениям, вылазка антисоциалистических сил в Чехословакии в 1968 г. потерпела поражение потому, что США не воспользовались особым антисоциалистическим курсом маоистов на международной арене, их антисоветской позицией. Шуб призывает США исправить эту «ошибку» и «сознательно повернуться... в сторону Китая», так как «неудачный» исход событий в Чехословакии в 1968 г. может «еще больше сблизить Вашингтон и Пекин в признании общего интереса» в борьбе против СССР на международной арене³⁸.

Некоторые буржуазные идеологи выступают с тезисом, согласно которому «национальные интересы» США зависят от того, насколько удастся им поддерживать политический «баланс сил», создавая «противовесы» Советскому Союзу и социалистическому содружеству на международной арене. Об этом прямо заявляет бывший заместитель государственного секретаря Ю. Росту, объясняя политику администрации Л. Джонсона в Европе и на Дальнем Востоке. Этим же курсом он рекомендует следовать и в будущем. Росту утверждает: «Американские национальные интересы заключаются в системе распределения силы...». По мнению этого политического деятеля, с точки зрения интересов США идеальным был бы «мир широких горизонтов», состоящий из трех «полюсов силы»: США и Западная Европа; СССР и Восточная Европа; Япония и КНР³⁹.

Реакционные буржуазные идеологи придерживаются мнения, что есть веские основания рассчитывать на возможность использовать нынешний националистический курс маоистского руководства Китая и превратить эту страну в орудие антисоциалистической политики империализма. Поэтому ряд органов буржуазной печати США в свое время воспринял визит Никсона в Пекин и американо-китайское сближение как «сговор против Москвы». Газета «Washington Daily News» тогда писала: «Как США, так и Китай отрицают, что они вступили в сговор против Москвы, однако в свете последнего коммюнике о пекинской встрече на высшем уровне такие опровержения, делающиеся только для проформы, теряют всякий смысл». После подписания шанхайского коммюнике газета «The Christian Science Monitor» с радостью оповестила своих читателей: «Соединенные Штаты теперь могут натравливать Москву и Пекин друг на друга»⁴⁰. И в академической литературе нередко повторяется тезис о целесообразности для США попыток организовать давление на СССР со стороны Китая. Так, преподаватель Нью-Йоркского университета А. Уикс пишет, что «американские авансы Пекину представляются разумной политикой»⁴¹.

Ненадежный характер концепций «политического балансирования» в современную эпоху очевиден даже для многих буржуазных политиков и международных деятелей. Некоторые из них пытаются найти более прочную основу для поддержания мира и безопасности, чем эта формула политического «равновесия сил», напоминающая практиковавшуюся еще в прошлом столетии политическую систему. «Старая система равновесия сил дискредитирована двумя мировыми войнами XX века», — писал в журнале «The New Yorker» 28 января 1972 г. председатель комиссии по иностранным делам сената У. Фулбрайт. Эту мысль разделяет и бывший глава делегации США в ООН Ч. Йост. По его мнению, идея сближе-

³⁸ A. Shub. Lessons of Czechoslovakia. «Foreign Affairs», January 1969, p. 278.

³⁹ W. Whithworth. Naive Questions about War and Peace. Conversations with Eugen Rostow. N. Y. 1970, pp. 32, 41, 95—96.

⁴⁰ Цит. по: «Правда», 5.III.1972.

⁴¹ A. Weeks. The Other Side of Coexistence. An Analysis of Russian Foreign Policy. N. Y. 1970, p. 249.

ния США с Китаем представляет собой «всего лишь проповедовавшуюся в XIX веке концепцию равновесия сил в современном одеянии». Он полагает, что замысел американского президента сводился к попыткам установить выгодное для США политическое «равновесие» между несколькими «центрами силы»: США, СССР, Западная Европа, Япония, Китай. «Надо полагать, — пишет Ч. Йост, — что, по мнению президента и доктора Генри Киссинджера, США ...смогут оказаться в центре такой системы, ловко наклоняя ее в ту или другую сторону, как это Вашингтон сочтет для себя выгодным»⁴². Впрочем, сам этот политический деятель высказывает сомнение в успехе такого «балансирования».

Отгесненный конструктивной политикой социалистического содружества из окопов «холодной войны» на плацдарм мирного сосуществования, сознавая ограниченность возможностей манипулирования военной силой, империализм пытается изыскать новые средства для достижения прежних классовых целей борьбы с социализмом, с освободительными движениями в мире. Принимая во внимание расширение международного сотрудничества между социалистическими и капиталистическими странами (в частности, между СССР и США), реакционные буржуазные идеологи и политики ищут средства для того, чтобы использовать в своих интересах этот объективный процесс и нанести ущерб общественному строю в социалистических странах, единству социалистического содружества. В данном случае имеет место сложное противоречие международной жизни последних лет. С одной стороны, развивается процесс конструктивных взаимовыгодных деловых контактов государств двух противоположных систем, с другой — определенные империалистические круги вынашивают планы использования этих расширяющихся экономических, научно-технических, культурных связей в реакционных политических целях, противоречащих духу международно-сотрудничества и принципу мирного сосуществования.

Рассматривая экономику, науку и технику как новые важные сферы борьбы американского империализма за влияние в мире, буржуазные международники и государственные деятели ищут способы более широкого использования экономического и научно-технического потенциала США для достижения «нового равновесия сил», как глобально, так и в отдельных регионах⁴³. Сотрудник Института по изучению войны и мира при Колумбийском университете В. Басюк пишет: «Технологические инструменты для распространения мощи и влияния в глобальном масштабе значительно усовершенствуются в последующие одно-два десятилетия, и появятся совершенно новые инструменты». Как и многие его коллеги, этот деятель считает, что в «распределении силы» на мировой арене все большую роль начинают играть технологические и экономические факторы. Именно изменения и достижения в области невоенной техники и технологии, пишет Басюк, будут оказывать влияние на «распределение силы в мировом масштабе», порождая «серьезную неустойчивость в международных отношениях». Он делает вывод о необходимости для правящих кругов США и* буржуазной науки заняться разработкой вопроса об использовании достижений техники и технологии, в интересах внешней политики США. «Следующим шагом, — подчеркивает Басюк, — явилось бы формулирование сознательной политики, которая предусматривает использование технологических инструментов для направления развития мирового порядка в желаемом направлении»⁴⁴.

И в идеологии и в политике начинает просматриваться тенденция ко все большей мобилизации индустриального и научно-технического потен-

⁴² «Washington Post», 20.III.1972.

⁴³ W. Rostow. Politics and the Stages of Growth. Cambridge (Mass.). 1971, p. 330.

⁴⁴ V. Basiuk. The Impact of Technology in the Next Decades. «Orbis», Vol. XIV, № 1, Spring 1970, pp. 26, 39, 42. Этим вопросам автор посвятил специальную монографию: V. Basiuk. Technology and World Power. N. Y. 1970.

циала США во имя достижения определенных внешнеполитических целей. Она получила отражение во внешнеполитических посланиях президента США конгрессу (от февраля 1970 г., февраля 1971 г., февраля 1972 г. и марта 1973 г.) и других документах. «Превосходство» в научно-технической области предлагается использовать для достижения политических целей, распространения политического и идейного влияния США в мире. Говорят о наращивании темпов в «технологическом соперничестве», чтобы не позволить «остальному миру вырваться вперед». Официальные лица призывают «сохранить за Америкой первое место в мире по уровню экономического могущества», «продолжать активно играть нашу роль лидера в мире, даже если мы решили осуществлять ее новыми методами»⁴⁵. В этих заявлениях фактически содержится признание безнадежности расчетов на военную силу как главный инструмент американской внешней политики.

Претензии США на «роль лидера в мире» правящая элита страны связывает теперь не только с совершенствованием и наращиванием ракетно-ядерной мощи, но и с экономическими, научно-техническими, технологическими факторами. В эти сферы все больше переносится центр тяжести борьбы между двумя социально-политическими системами. Такое направление мирового развития предвидели марксисты-ленинцы. Коммунистическая партия и Советское государство вели борьбу за то, чтобы исторически неизбежное противоборство социализма и капитализма осуществлялось в формах, не угрожающих самому существованию человечества. «КПСС исходила и исходит из того, — отмечает Л. И. Брежнев, — что классовая борьба двух систем — капиталистической и социалистической — в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии будет продолжаться. Иначе и быть не может, ибо мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы. Но мы будем добиваться, чтобы такая исторически неизбежная борьба перешла в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений»⁴⁶. За последние годы силы социализма добились крупного успеха — поворота от «холодной войны» к разрядке международной напряженности и утверждению принципа мирного сосуществования между государствами с различным социальным строем. Продолжается борьба за то, чтобы сделать этот поворот необратимым процессом.

Пытаясь мешать международной разрядке и деловому сотрудничеству между государствами с различным общественным строем, внедрению в практику их взаимоотношений принципа мирного сосуществования, стремлению народов к мирной жизни — всем тем позитивным процессам в современном мире, за которыми стоит мощь и авторитет СССР и социалистического содружества, реакционные буржуазные политики и идеологи пытаются найти возможность добиваться своих прежних классовых внешнеполитических целей в новой обстановке. Отражением таких усилий в сфере внешнеполитической идеологии и практики американского империализма является поиск новых факторов и каналов для распространения влияния США в мире. Нынешние концепции «многополюсности» и другие, являясь, по существу, признанием происшедших перемен в соотношении сил на мировой арене, провала расчетов американских империалистов на мировое господство, ориентируют внешнюю политику США на то, чтобы в большей мере, чем прежде, использовать в борьбе против социалистического содружества другие «центры силы», и прежде всего маоистский Китай. В этих концепциях содержится так-

⁴⁵ «Reader's Digest», February 1972; «U. S. News and World Report», June 26, 1972, p. 33.

⁴⁶ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, стр. 476.

же косвенное признание провала расчетов американского империализма навязать свою волю социалистическим странам и другим народам при помощи военной силы, путем стимулирования гонки вооружений.

В политических кругах США имеются силы, которые хотели бы использовать разрядку напряженности в международных отношениях для упрочения американского влияния в Европе и развивающихся странах, для распространения этого влияния на страны социалистического содружества, в том числе и на Советский Союз. Сторонники подобного использования позитивных перемен в международной обстановке дали бой в конгрессе США собственному правительству, стремясь не допустить принятия предложенного им законопроекта о торговой реформе, предусматривающего, в частности, предоставление СССР кредитов и режима наибольшего благоприятствования в торговле. Они хотели бы получить возможность вмешиваться во внутренние дела СССР в качестве «платы» за принятие такого законодательства. Подобная позиция противоречит духу и принципам основных советско-американских документов, вредит укреплению международной безопасности и сотрудничеству.

Нынешние буржуазные концепции «многополюсности» и «центров силы» несут немалую идеологическую антикоммунистическую нагрузку, являясь идеологической диверсией против социализма⁴⁷. Эти концепции представляют собой пример применения пресловутой теории «деидеологизации» к международным отношениям. Согласно указанным концепциям, в современном мире утверждается якобы единая система международных отношений, не зависящая от классовой природы участвующих в ней государств. Таким путем, «одним росчерком пера», буржуазные идеологи «снимают» вопрос о принципиальной разнице внешней политики социалистических государств, о существовании международных отношений нового типа, об основном противоречии нашей эпохи — между социализмом и капитализмом — и о борьбе двух социально-политических систем, превратившейся в подлинный стержень всего современного мирового развития.

В 1969 г. международное Совещание коммунистических и рабочих партий констатировало в своем Основном документе: «Человечество вступило в последнюю треть нашего столетия в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура»⁴⁸. Именно по линии противоборства двух систем происходит поляризация политических сил в современной международной жизни. Эту объективную тенденцию и пытаются отрицать идеологи империализма. Им хотелось бы видеть панораму современной международной жизни в виде многочисленных соперничающих друг с другом «центров силы», а Вашингтон — в роли «арбитра» такой международно-политической системы. Нарастание противоречий в империалистическом лагере, обострение конкурентной борьбы в экономической и политической сферах между центрами империалистического соперничества эти идеологи хотят выдать за аргумент в пользу «деидеологизации» международных отношений. Однако этот аргумент бьет мимо цели. Наоборот, именно углубление мирового революционного движения, дальнейшее упрочение мирового социализма, препятствующего агрессивным поползновениям американского империализма, способствуют созданию условий, усугубляющих противоречия в империалистическом лагере. Националистический, гегемонист-

⁴⁷ Подробнее см.: Г. Шахназаров. О «державном» подходе к международной политике. «Проблемы мира и социализма», 1972, № 5; Ю. Давыдов. Эволюция внешнеполитических концепций империализма. «Проблемы мира и социализма», 1974, № 1.

⁴⁸ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М. 1969, стр. 286.

ский курс китайского руководства на международной арене также не может изменить господствующей тенденции современной эпохи — переход от капитализма к социализму.

Эволюция буржуазных концепций «силы» — результат кризиса на более агрессивных устремлений американского империализма, делавшего ставку на военную мощь как главный инструмент своей политики, пытавшегося игнорировать объективные закономерности современного мирового развития. По мере роста могущества и влияния СССР, укрепления сплоченности братских социалистических стран, активизации советской миролюбивой политики, а также развития важных прогрессивных процессов, происходящих в остальном мире, во внешней политике США других капиталистических государств все больше стали проявляться элементы реализма. Весь ход событий постепенно приводит капиталистический мир к признанию необходимости вести дела с социалистическими государствами на почве мирного сосуществования, несовместимого «с позицией силы», с попытками решать спорные международные вопросы путем обращения к оружию. В современной внешнеполитической идеологии США происходит сдвиг в сторону более трезвой оценки способности капиталистической Америки решать мировые политические и экономические проблемы при помощи войны. В американской литературе все настойчивее проводится мысль, что США должны добиваться своих целей невоенными средствами. Интересно и то, что в истории внешней политики США буржуазные авторы ищут сейчас примеры успешного применения экономических, дипломатических и идеологических инструментов для достижения внешнеполитических целей. Внимание буржуазных идеологов привлекает опыт использования Соединенными Штатами в прошлом своего экономического могущества для конкурентной борьбы с соперниками за рынки сбыта и источники сырья, за политическое влияние, в частности опыт политики «открытых дверей». Недаром некоторые американские историки, критически относящиеся к официальной концепции, называют ее «блестящим стратегическим ходом, который привел к постепенному расширению экономической и политической власти Америки во всем мире»⁴⁹.

Анализ буржуазных концепций «силы» свидетельствует о том, что и поныне многие американские идеологи кладут в основу этого понятия военную мощь США, считая, что «позиция силы» — наиболее подходящая основа внешней политики. Это обстоятельство учитывается Советским Союзом, братскими странами социализма. «Мы реалисты и хорошо видим, — указывал Л. И. Брежнев, — что влиятельные круги в мире империализма все еще не отказались от попыток проводить политику «с позиции силы». Все еще продолжается развязанная ими гонка вооружений, создающая угрозу миру. Мы и наши союзники, естественно, не можем не делать из этого необходимых выводов»⁵⁰. В то же время характерной для современной американской внешнеполитической идеологии является тенденция к определенной переоценке возможностей использования военной силы для достижения внешнеполитических и экономических целей. Эти сдвиги в политическом мышлении американской буржуазной элиты особенно заметны при сопоставлении взглядов идеологов внешней политики США конца XIX — начала XX в. с подходом к международным проблемам ряда современных политиков и ученых. Происходит как бы «девальвация» ценности военной силы.

Эти сдвиги в буржуазной идеологии осуществляются отнюдь не в результате изменения природы самого империализма, его агрессивной и антинародной сущности, они обусловлены объективными процессами в

⁴⁹ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М. 1960, стр. 37.

⁵⁰ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, стр. 475.

развитии современной международной обстановки, и в первую очередь ростом могущества, в том числе и военного, СССР, всего социалистического лагеря. Империализм вынужден все чаще отказываться от ставки на военную силу как главный и универсальный инструмент при решении международных проблем современности и в первую очередь вопроса о взаимоотношениях с Советским Союзом, со всеми странами социалистического содружества. В ряде отраслей буржуазного обществоведения идет активный поиск новых инструментов и средств для достижения классовых внешнеполитических целей империалистических кругов США, пытающихся противодействовать упрочению позиций социализма в мире, нанести ущерб освободительным движениям на нашей планете. Что касается Советского Союза, то его политика по отношению к Соединенным Штатам последовательна и определена: это политика мира, мирного сосуществования, политика, направленная на дальнейшее улучшение советско-американских отношений. Это курс на то, чтобы сделать необратимым процесс разрядки, курс, на который не могут повлиять колебания внутривнутриполитической или международной конъюнктуры. «Мы хотим,— заявил в речи на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г. Л. И. Брежнев,— чтобы советско-американские отношения стали по-настоящему стабильными, не зависели от конъюнктурных моментов. Мы за то, чтобы пользу от их дальнейшего развития получали и обе наши страны, и мир в целом»⁵¹. Поэтому актуальной задачей историков и международников-марксистов является своевременный и глубокий анализ новейших тенденций во внешнеполитической идеологии США, разоблачение скрытых целей и мотивов политики американского империализма, опасных для дела мира и социального прогресса.

⁵¹ Л. И. Брежнев Все для блага народа, во имя советского человека. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г. М. 1974, стр. 25.